

Абстракция деятельности в труд — это экстернализация нашей созидательной силы и создание гражданина, политики и государства.

Абстракция — это удаление, смещение, отнятие. Всё это и кое-что ещё более ужасное: абстракция — это отдача.

Я пеку торт для себя и своих друзей. Часть удовольствия от этой деятельности — ощущение своей силы. Я понимаю, что могу сделать вкусный торт, что у меня есть сила делать то, что мне нравится. В следующий раз я приглашаю своих друзей, и мы вместе делаем пироги — и вновь мы наслаждаемся нашими способностями, нашей созидательной силой. Мы ощущаем свою силу как глагол, как быть-способным-к^[1]. Затем, как мы уже видели, я решаю испечь пироги для продажи их на рынке. Через некоторое время я понимаю, что для того, чтобы жить, мне нужно производить определённым образом и в определённом ритме. Рынок оценивает мою выпечку, и это оценивание отражается на моей деятельности. Моя деятельность, как мы видели, превратилась в труд, и в то же время моя созидательная сила превратилась в нечто иное: в безличную власть над нами. Мы больше не имеем власти над собственной деятельностью. Мы экстернализовали нашу собственную силу и тем самым превратили нашу созидательную силу в её противоположность — власть-над нами. Наша сила как глагол, наша быть-способность-к, преобразовалась во власть как существительное, вещь вовне нас. Когда мы видим, что мы сделали, мы плачем и скрежещем зубами, но самое ужасное, что мы продолжаем это делать, мы постоянно экстернализируем нашу силу, превращаем нашу творческую мощь в безличную, чуждую нам власть. Мы делаем это постоянно, потому что не видим другого способа выжить^[2].

Преобразование деятельности в абстрактный труд происходит главным образом через расширение наёмного труда. Экстернализация власти — тоже, но ещё более ощутимо. Я пеку торт, наслаждаюсь этой деятельностью, ощущаю мою созидательную силу. На этот раз я решаю, что не буду продавать свои торты на рынке напрямую, а продам свою способность печь торты, свою силу печь, в большую пекарню, а взамен получу жалованье. На этот раз не рынок, а мой работодатель оценивает мою работу и навязывает ритмы, необходимые для того, чтобы он мог продавать торты на рынке. У власти-над есть своё лицо, но капиталист — это просто олицетворение безличных сил, которые он не контролирует. И вновь мы экстернализовали свою собственную силу и тем самым превратили свою созидательную силу во власть-над самими собой. Снова и снова, день за днём, мы делаем это — экстернализируем нашу созидательную силу и превращаем её в чужую власть-над нами. Что ещё нам делать, когда мы отрезаны от средств производства, от средств выживания?

И через некоторое время мы забываем об удовольствии от творческой деятельности. Мы даже забываем, что наша созидательная сила — это субстанция власти-над, что власть-над капитала полностью зависит от нашей созидательной силы, что именно мы создаем силу, которая

применяется к нам. Наша созидательная сила становится невидимой: «сила» становится существительным, синонимом силы сильных мира сего, силы капитала, силы системы.

Повторяющаяся и многократная экстернализация нашей власти (и тем самым превращение силы-к во власть-над) создаёт сложную паутину социальной сплочённости (капиталистические социальные отношения). Эта паутина социальной сплочённости создаётся и воспроизводится мириадами процессов абстрагирования нашей деятельности, экстернализации нашей созидательной силы, и она начинает образовывать сложную сеть власти-над, паутину обязательств, принуждения, господства. Это капиталистическое общество, которое противостоит нам, социальная сплочённость или синтез, который высмеивает наши попытки сделать нечто иное, говорит нам, что наши трещины — это трещины безумия.

Общество, созданное абстрактным трудом, путём многократного превращения нашей быть-способности-к во власть-над нами, есть общество антагонистическое. Оно основано на разочаровании от наших действий, на нашем стремлении делать то, что мы считаем необходимым или желательным. Это фундаментальное разочарование является в то же время классовым антагонизмом, антагонизмом между теми, кто создан абстрактным трудом и получает от него выгоду (капиталисты), и теми, кто вынужден выполнять абстрактный труд (рабочие). «Тупое принуждение к экономическим отношениям» (Marx 1867/1965: 737; 1867/1990: 899) никогда не является достаточным для сдерживания этого антагонизма: оно должно быть подкреплено применением силы. Наша экстернализация силы приобретает дополнительное измерение. Власть-над, это чудовище, созданное метаморфозой нашей созидательной силы, дублирует себя. Она существует в двух различных формах: экономической и политической. Со временем развивается отделённая от общества инстанция, которая стремится обеспечить социальный порядок, необходимый для господства абстрактного труда. Эта инстанция является государством.

Так было не всегда. В феодальном обществе, например, не было ни такой экстернализации нашей силы, ни такого разделения экономического и политического. Под страхом наказания крепостную заставляли исполнять свои способности во имя лорда, но при этом не утрачивалась специфика деятельности и не проводилось разделения между эксплуатацией и применением или угрозой применения силы, необходимой для её поддержания. Господство было непосредственно личным и открыто иерархическим. Феодальное общество — это «разделённое» общество, в котором социальная сплочённость устанавливается в сообществе и под личным и традиционным доминированием лорда.

Это изменилось, когда лорды выгнали крестьян, чтобы освободить место для овец, и когда крестьяне бежали от тирании лордов. Личное рабство больше не удерживало общество вместе. Новая сплочённость, сосредоточенная на абстракции деятельности в труд, создала новый абстрактный субъект. Крепостные, подчинённые как община своему лорду, превращались в отдельных лиц, продавцов товаров и особенно главного товара — рабочей силы. Как индивидуальные продавцы товаров, они неизбежно пользовались равными правами, правами равных собственников, без которых договор обмена был бы невозможен. Они были преобразованы в юридические субъекты^[3]. Они стали (в процессе борьбы) равными

гражданами, пользующимися равными правами. Это формальное, абстрактное равенство, которое ничего не говорит нам об их реальном положении в жизни. Гражданство есть абстракция, закрепление абстрактной индивидуальности, присущей абстракции деятельности в труд. Как абстрактные рабочие, мы все равны, все участвуем в общественном производстве товарного общества, общества, основанного на абстракции, на безразличии к смыслу и частностям. Как абстрактные индивиды (и только как абстрактные индивиды) мы являемся гражданами и можем быть олицетворены.

Государство характеризуется своей обособленностью от общества. Оно не устанавливает социальной сплочённости, но выступает в качестве необходимого дополнения к установлению этой сплочённости посредством процесса обмена. Это производная форма абстрактного труда, образованная абстракцией деятельности в труд. Данная конституция государства есть в то же время конституция экономического и политического как отдельных сфер, из которых исчезает абстракция деятельности в труд, превращение нашей быть-способности-к во власть-над нами.

Политическое принимает наш огонь на себя, отвлекает наше внимание от основного вопроса нашей созидательной силы. Государство своим существованием фактически говорит: «Я — сила социальной сплочённости, я — центр социальной детерминации. Если вы хотите изменить общество, вы должны сосредоточиться на мне, вы должны получить контроль надо мной». Это неправда. Реальная детерминанта общества скрыта за государством и экономикой: это способ организации нашей повседневной деятельности, подчинение наших действий диктату абстрактного труда, то есть стоимости, деньгам, прибыли. В конце концов, именно эта абстракция является основой существования государства. Если мы хотим изменить общество, мы должны прекратить подчинение нашей деятельности абстрактному труду, мы должны делать нечто иное.

И всё же пение государственных сирен чрезвычайно сильно. Снова и снова государство призывает нас к тому, что если мы хотим чего-то достичь, если мы хотим изменить общество, мы должны смотреть на него. Это отвлекает наши усилия. Существование государства как отдельной или особенной инстанции. Даже если мы отвергаем партию как форму организации, даже если мы говорим, что не хотим брать власть, всё равно есть постоянный голос, говорящий: «именно политическое важно, забудьте о содержании вашей повседневной деятельности, важна именно политика». Даже многие автономистские группы втягиваются в это: они сосредотачиваются на построении «иной политики», не видя, что «иная политика» должна основываться на критике самого отделения политики от остальной нашей повседневной деятельности, на преодолении отделения политики от деятельности^[4].

Государство заманивает нас на ложную территорию. Но это означает, что политика заманивает нас на ложную территорию: само принятие политики как отдельной сферы ведёт нас по ложному пути. Верните всё это обратно, верните это обратно к нашей деятельности, нашим собственным действиям и к тому, как они организованы, к тому, что мы делаем каждый день. Чем дальше мы продвигаемся в наших рассуждениях, тем больше мы видим важность настойчивого требования Маркса обратиться к критике *ad hominem*, к пониманию и изменению мира с точки зрения человеческой деятельности.

Государство, а следовательно, и политика, понимаемые как отдельные сферы, есть удаление, вытеснение, оттягивание нашей борьбы за иной мир. Но более того: это творение, отдача от нас. Существование государства есть часть экстернализации власти, присущей абстракции деятельности в труд, часть превращения нашей созидательной силы в их власть-над. Мы создаем и воссоздаём его, платя налоги, подчиняясь законам, голосуя на выборах, а также образуя отдельную от повседневной жизни сферу политического. Государство — это не внешняя сила, а экстернализованная сила. Мы создаём государство путём экстернализации нашей силы: его власть-над нами — это трансформация нашей созидательной силы. Таким образом, критика государства — это критика экстернализации нашей власти, нашего собственного постоянного создания и воссоздания государства как авторитета, стоящего вне нас — и политики как отдельной сферы, отделённой от нашей повседневной жизни, от нашей деятельности, от нашей еды, от нашей любви.

1. О нашей силе см. интервью Марины Ситрин с Некой из MTD de Solano и Серджио из Лаваки (Sitrin 2005: 195; 2006: 163): «Нека: Сила как способность, а не как командная позиция. Серджио: В отличие от существительного — войти в силу, обрести силу — мы думаем о силе как о глаголе». [↗](#)
2. Подробнее о различии между силой-к и властью-над см. Holloway (2002/2005: Ch. 3). [↗](#)
3. Для аналогичного аргумента см. Pashukanis (1924/2002). [↗](#)
4. То же самое можно сказать и о понятии «иной экономики», которое имеет смысл лишь в той мере, в которой оно ориентировано на преодоление отрыва экономики от жизни. [↗](#)